

ЗАПАДНЫЙ МИР НА ПУТИ К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ¹

Р.М. НУРЕЕВ,

доктор экономических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва,
e-mail: nureev50@gmail.com

В главе анализируются основные теории постиндустриального общества и особенности его становления в странах Западной Европы. Показывается роль человеческого и социального капитала в развитии современного общества. Анализируются единство и различия скандинавской, континентальной, англосаксонской, средиземноморской и догоняющей моделей развития европейской экономики.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, человеческий капитал; социальный капитал; европейские модели смешанной экономики.

WESTERN WORLD ON THE WAY TOWARD POSTINDUSTRIAL SOCIETY

R.M. NUREEV,

Doctor of economic sciences (DSc), Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
National Research University Higher School of Economics, Moscow,
e-mail: nureev@hse.ru

The chapter analyzes the basic theory of postindustrial society and especially its development in Western Europe. Shows the role of human and social capital in the development of modern society. Analyzes the differences and unity of Scandinavian, Continental, Anglo-Saxon, Mediterranean and catching models of the European economy.

Keywords: postindustrial society; human capital; social capital; the European model of a mixed economy.

JEL classification: B52, N14, O43, P51.

Глава 17.

Западный мир на пути к постиндустриальному обществу

17.1. Теории постиндустриального общества²

Начиная с последней трети XX в. все более широкую популярность сначала среди ученых, а потом и среди обычных граждан развитых стран приобретают теории перехода к обществу принципиально нового типа. Усиление регулирования рыночного хозяйства стало сильным фактором

¹ Продолжение. Начало см.: TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 1–4; 2011. Т. 9. № 1–4; 2012. Т. 10. № 1–4; 2013. Т. 11. № 1–3.

² При написании данного раздела использованы материалы главы 6 книги: Нуреев Р.М. Очерки по истории институционализма. Ростов-н/Д, 2010.

дальнейшей разработки этих теорий, поскольку менеджеры разных уровней все сильнее нуждаются в понимании не только тактических, но и стратегических ориентиров развития.

Современная концепция постиндустриального общества уходит корнями в работы Торстейна Веблена (1857–1929) начала XX в. Институты, по Веблену, хронически консервативны. Развитие связывается с изменениями техники.

**Дэниел Белл
(1919-2011)**

В работах, написанных Т. Вебленом в годы Первой мировой войны и после нее, рассматриваются важные проблемы научно-технического прогресса и показывается роль инженеров-менеджеров в создании рациональной промышленной системы. Именно с ними он связывает будущее капитализма. Под влиянием Т. Веблена появились технократические концепции и труды, посвященные «революции управляющих».

Идеи о будущем постиндустриальном обществе получили дальнейшее развитие в работах К. Кларка «Экономика в 1960 году» (1948), Ж. Фурастье «Великая надежда XX века» (1949). Однако подлинный бум работ об обществе будущего начался после публикаций книг и статей Д. Белла, Дж.К. Гэлбрейта, П. Друкера и других классиков постиндустриального общества.

Дэниел Белл (Daniel Bell, 1919-2011) родился в 1919 г. в Нью-Йорке. Преподавал социологию в Колумбийском (1959–1969) и Гарвардском (с 1969) университете.

В 1964 г. Д. Белл был назначен членом президентской комиссии по технике автоматизации и экономическому прогрессу. Тогда же он возглавил «Комиссию по 2000 году». Ярким свидетельством признания его заслуг явилось приглашение в Гарвард, где он принял кафедру, которой ранее заведовал знаменитый Толкотт Парсонс.

Гарвардский период жизни Белла ознаменовался такими выдающимися трудами как «Встречая 2000 год» (1968), «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) и «Культурные противоречия капитализма» (1976), «Извилистый путь» (1980).

Дэниел Белл ввел особую социологическую категорию «осевой принцип», с помощью которой стремился доказать, что общественные институты, отношения и духовные процессы не обусловлены каким-то одним фактором. Какие-то из них располагаются по одной оси, другие по иной. Все зависит от того, какой осевой принцип избрать. Таким образом, всем трем общественным сферам (экономике, политике, культуре) присущи автономия и свои собственные «осевые принципы» (см. рис. 17-1).

В своей концепции Д. Белл сформулировал основные **признаки постиндустриального общества**:

- создание экономики услуг,
- доминирование слоя научно-технических специалистов,
- центральная роль теоретического научного знания как источника нововведений и политических решений в обществе,
- возможность самоподдерживающегося технологического роста,
- создание новой «интеллектуальной» техники.

Рис. 17-1. Осевые принципы, присущие общественным сферам, по Д. Беллу

Общий принцип социальной структуры постиндустриального общества – **меритократия**. Под этим термином подразумеваются все те, «кто имеет заслуженный статус или достиг авторитетного положения благодаря компетентности». Иными словами, «меритократия состоит из людей, которые заслужили свой авторитет».

Принципу меритократии не следует противиться. «Общество, не выдвигающее лучших людей во главу своих основных институций, в социологическом и моральном отношении абсурдно», – утверждает Белл. Таланты и достижения – доминирующие принципы культурно развивающегося общества. Но оно, делает существенную оговорку Белл, должно быть максимально открытым для всех. «Хорошо организованная меритократия может быть обществом хотя и неравенства, но справедливости».

В своей работе «Социальные рамки информационного общества» (1980) Д. Белл выделяет три этапа изменений в территориальном размещении производительных сил. В доиндустриальную эпоху города располагались на пересечении торговых путей, в индустриальную – вблизи источников сырья, в постиндустриальную – вокруг научных центров.

Зачинателями индустриального общества были изобретатели-самоучки: часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт – прядильную машину, а ювелир Фултон – пароход. Именно «талантливые жестянщики», а не «высокособые интеллектуалы», писал Д. Белл, были создателями «промышленности XIX в.». К этой промышленности он относит не только сталелитейную, электротехническую и моторостроение, но и авиастроение, возникшее в начале XX в.

Д. Белл связывает научно-техническую революцию прежде всего с революцией в сфере телекоммуникаций. Если в XIX – первой половине XX вв. двумя основными формами коммуникаций были газеты, журналы и книги, с одной стороны, и телеграф, телефон, радио и телевидение, с другой, то во второй половине XX в. главным становится развитие средств компьютерной связи. Соответственно, Белл еще в 1980 г. формулирует 5 проблем, которые должно решить человечество в ближайшие десятилетия:

1. Слияние телефонной и компьютерной систем, телекоммуникаций и обработки информации в одну модель.
2. Замена бумаги электронными средствами.
3. Расширение телевизионной службы через кабельные системы.
4. Реорганизация хранения информации и систем её запроса на базе компьютеров в интерактивную информационную сеть, доступную всем.
5. Расширение системы образования на базе компьютерного обучения.

Сформулированные Д. Беллом проблемы оказались в центре внимания его современников. В опубликованной в 1983 г. статье «Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики» **Т. Стоуньер** писал о трёх лимитирующих факторах, соответствующих трем историческим эпохам развития человечества: земле (доиндустриальная эпоха), капитале (индустриальная эпоха) и информации (постиндустриальная эпоха). При этом под информацией он имеет в виду не любые знания, а «наличные знания, данные в удобной для использования форме».

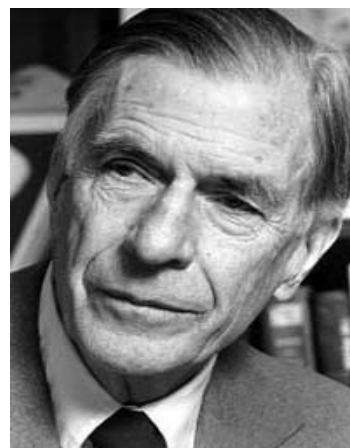
Он пишет о том, что общество ожидают в ближайшем будущем три кремневые революции:

- Производство из песка интегральных схем.
- Производство фотоэлектрических батарей.
- Развитие парникового хозяйства в пустынях – ядра новой технологической системы.

Именно они, по мнению Стоуньера, должны заложить основы будущей постиндустриальной цивилизации даже в тех районах, которые до недавнего времени отставали от развитых стран.

Другой известный теоретик постиндустриального общества – **Джон Кеннет Гэлбрейт (John Kenneth Galbraith, 1908–2006)** – родился в 1908 г. в Канаде. Он окончил университет в Торонто и получил степень доктора в Калифорнийском университете. В течение жизни Дж. К. Гэлбрейт преподавал в ряде университетов США (Гарвардском, Калифорнийском и Принстонском).

В вышедшей в 1952 г. книге «Американский капитализм. Теория уравновешивающей силы» он пишет о профсоюзах как уравновешивающей силе, существующей наряду с большим бизнесом и правительством. Уже в этой работе обосновывается его идея о менеджерах как носителях прогресса. Эта идея получает дальнейшее развитие в книге «Новое индустриальное общество» (1967). Именно там Гэлбрейт выдвигает новое понятие, «техноструктура», суть которой заключается в

**Джон Кеннет Гэлбрейт
(1908–2006)**

монополизации знаний и принятии основных решений помимо владельцев капитала. Изменения функций менеджеров связаны с дальнейшим обобществлением производства, когда ведущую роль в экономике начинают играть крупные фирмы, осуществляющие свою деятельность в планетарном масштабе.

Крупная фирма, по мысли Гэлбрейта, может, за редкими исключениями, лучше, чем небольшая фирма, контролировать свои цены и издержки, убеждать своих потребителей и управлять ими. Она способна ограждать себя от снижения прибылей в результате конкуренции и тем самым оберегать свои доходы, и имеет больше возможностей избавиться от тех затрат на рабочую силу, которые не в состоянии регулировать. Таким образом, крупная фирма способна более надежно оградить себя от нежелательных для нее изменений в уровне доходов, что могло бы вызвать вмешательство в ее дела акционеров или кредиторов. А также, в связи с неблагоприятной реакцией со стороны общественности, повлечь за собой вмешательство профсоюзов, потребителей или правительства.

Новое индустриальное общество соответствует, по мысли Гэлбрейта, следующим факторам: высокая степень обобществления хозяйства, укрупнение промышленного производства, высокий уровень производства и доходов на основе достижений научно-технического прогресса, усиление роли государства во всех сферах экономики и планирование хозяйственного развития.

В своей работе он рассматривает две системы: планирующую и рыночную, обращая внимание на то, что с развитием капитализма в рыночной экономике все больше усиливаются элементы планирования, а в плановой – рыночные элементы. В России – это был период косыгинских реформ, когда было ограничено число плановых показателей и усилились элементы воздействия рынка на деятельность государственных предприятий. Происходящее в капиталистических и социалистических странах взаимное переплетение плана и рынка приводит Гэлбрейта к идее конвергенции.

Не всем из идей, сформулированных Дж. К. Гэлбрейтом, была уготована долгая жизнь. Крупному бизнесу легче найти общий язык с правительственными органами, причем влиять на исполнительную власть проще, чем на законодательную. Противодействующей этому тандему силой, по Гэлбрейту, служат профсоюзы. Но падение роли профсоюзов – объективная тенденция сегодняшнего дня, а союз государства и бизнеса – не гарантия общественно полезной деятельности.

**Питер Фердинанд Друкер
(1909–2005)**

Теория конвергенции (во всяком случае, в интерпретации Гэлбрейта) также оказалась временной тенденцией. С падением социализма в СССР и Восточной Европе, развитие продолжилось только в одну сторону – в сторону рыночной экономики. Впрочем нельзя не отметить, что современная рыночная экономика совсем не похожа на ту, которая была в XIX в.

Питер Фердинанд Друкер (Peter Ferdinand Drucker, 1909–2005) родился в Вене в 1909 г. В 1920-х переехал в Германию, учился в Гамбурге и во Франкфурте. В 1937 г. эмигрировал в США. В 1950–1971 гг. работал в Университете Нью-Йорка. С 1971 по 2005 гг. был профессором социальных наук и менеджмента в Университете Клермонта.

Наибольший успех ему принесли работы по теории и практике менеджмента. Однако в плане теории постиндустриального общества он интересен нам прежде всего как автор концепции «информационного работника». Эта концепция получила развитие в его работах «Будущее индустриального человека» (1942), «Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества» (1968), «Посткапиталистическое общество» (1993), «Задачи менеджмента в XXI веке» (1999).

Ориентирами для нашего меняющегося общества, считает Друкер, являются новые технологии и отрасли промышленности, переход от международной экономики к мировой, утверждение общества организаций, усиление важности знаний, как движущей силы социально-экономического развития.

«Чтобы общество организаций стало по-настоящему свободным обществом, – писал П. Друкер, – нужно, чтобы личность взяла на себя ответственность, и прежде всего ответственность за вклад — как свой собственный, так и организации»³.

В конце XX в. целью существования организаций становится повышение их эффективности. А она, в свою очередь, зависит от деятельности образованной и всесторонне развитой личности,

³ Друкер П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. С. 165.

которая, по мысли П. Друкера, только и может проявиться в организации. Общество организаций, таким образом, рассматривается Друкером как пространство для проявления личностью собственной индивидуальности через осознание своей непосредственной ответственности. Это связано с развитием информационного общества, в котором необходимость применения знания проявляется в ежедневной трудовой деятельности. Это создает предпосылки для экономического и социального равенства. Еще раз подчеркнем, что достижение социального равенства происходит через создание информационного сообщества.

Обращает на себя внимание тот факт, что будущее общество разные авторы видят по-разному: как постиндустриальное, посткапиталистическое, когнитивное и т. д. (см. рис. 17-2). Это свидетельствует о том, что сама теория общества будущего находится в стадии становления и непонятно, какие из его уже появившихся черт будут основными и доминирующими. Ученым пока не вполне ясно, какие из появившихся черт станут главными и преобладающими. Интересно отметить большое сходство между многими характеристиками рождающегося «чудного нового мира» и образом коммунизма по К. Марксу, как общества «по ту сторону материального производства».

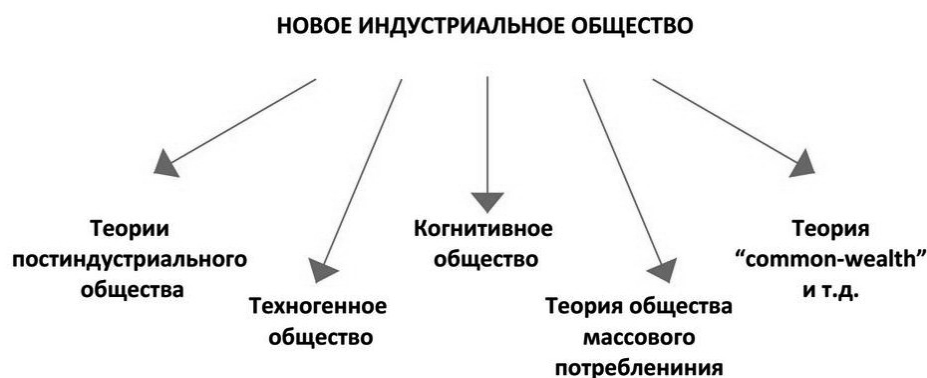

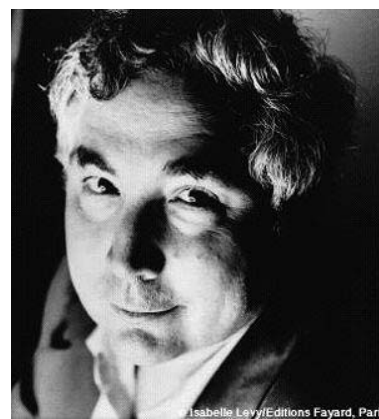
Рис. 17-2. Концепции постиндустриального общества

В частности, **Мануэль Кастельс (Manuel Castells, р. 1942)** развивает концепцию сетевого общества. После окончания Барселонского университета (1958–1962) он в 1967–1979 гг. преподает в Нантере, а в 1979 г. переезжает в США, где начинает преподавать в Беркли.

Именно в этот период выходят его основные работы, посвященные постиндустриальному обществу: «Экономический кризис и американское общество» (1980), «Город и городские массы» (1983), «Город в информационный век» (1989), «Информационный век: экономика, общество, культура» (1996–1998), «Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе» (2001), «Информационное общество и государство всеобщего благоденствия: финская модель» (2002, соавтор Пекка Химейнн), «Сетевое общество: кросс-культурная перспектива» (2004, редактор и соавтор), «Сетевое общество: от знания до политики. Центр трансатлантических отношений» (2006, соредактор), «Мобильная коммуникация и общество: глобальная перспектива» (2006, соавтор).

Важной идеей, развиваемой Кастельсом, является концепция сетевого общества и разделения всего земного шара на интернет-имущих и интернет-неимущих. Дело не в обладании интернетом как таковым, а в том, насколько интернет стал органической составной частью современного общества, средством коммуникации, производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ.

Совсем по-другому представляется современное общество **Элвину Тоффлеру (Alvin Toffler, р. 1928)**. В 1949 г. он заканчивает Нью-Йоркский университет в Олбани и с 1965 г. работает в Корнельском университете и Новой школе социальных исследований. Основными работами по теории постиндустриального общества являются «Шок будущего» (1970), « Столкновение с будущим» (1972),

**Мануэль Кастельс
(р. 1942)**

Элвин Тоффлер
(р. 1928)

«Потребители культуры» (1973), «Доклад об экоспазме» (1975), «Третья волна» (1980), «Адаптивная корпорация» (1985), «Сдвиг власти» (1990), «Война и Антивоина. Опыт выживания на пороге XXI века» (1993), «Революционное богатство» (2006).

Наибольший резонанс имела работа «Третья волна». Идеи прогресса, типичные для Третьей волны, автор дополнил позднее характеристикой прогресса и в сфере вооружений, в своей работе «Война и Антивоина». Десять главных черт экономики Третьей волны, которые называет Э. Тоффлер, следующие:

1. Для факторов производства – это знание (информация, данные, изображения, символы, культура, идеология, система ценностей). Оно становится заменой других материалов, при этом подчеркивается, что знание неисчерпаемо. Оно является и решающим ресурсом и в военной сфере.

2. В области нематериальных ценностей наиболее существенным становится способность создавать, распределять, применять знания. Это характерно и для военной сферы, где решающим фактором стано-

вится лучшая разведка и связь, лучше обученные солдаты, а не просто их численность.

3. Для Третьей волны типичен уход от массовости. Происходит сдвиг от однородности к разнообразию. То же самое мы наблюдаем и в сфере вооружений, где решение индивидуальных задач достигает большего эффекта в разрушении системы обороны противника.

4. Глубокие изменения охватывают и сферу труда. Здесь происходит резкое повышение квалификации и падение взаимозаменяемости. То же типично и для армии, где главным фактором становятся квалифицированные солдаты.

5. Для поддержания конкурентоспособности и поощрения инициативы необходимы новые идеи – нововведения. Они типичны и для гражданской, и для военной промышленности.

6. Изменяется и масштаб – малое вытесняет большое, малые фирмы приходят на смену большим, гигантам. То же касается и военной сферы, которая требует меньше людей, однако, таких, которые вооружены более интеллектуальной технологией.

7. Существенные изменения затрагивают и организацию. Для нее становится типичным поиск новых форм, гибких и маневренных. Вооруженные силы также постепенно утрачивают жесткое управление сверху-вниз.

8. Э. Тоффлер выделяет изменения и в системной интеграции. Возрастающая сложность экономики требует более развитых интеграции и управления. Системная интеграция становится характерной и для управления в военной сфере.

9. Развивается мощная инфраструктура, которая все более и более основывается на новейших достижениях в электронике.

10. Для современной экономики делается типичным ускорение всех процессов. Темпы операций и темпы работ увеличиваются, конкуренция во времени обостряется. Деньги перемещаются со скоростью света, а информация перемещается еще быстрее. В военной сфере от быстроты выполнения маневров зависит успех всей операции.

Ален Турен (Alain Touraine, р. 1925) в отличие от своих коллег акцентирует внимание на проблеме формирования и развития социального капитала в будущем постиндустриальном обществе. В 1950–1958 гг. он работает в Национальном центре научных исследований в Париже. С 1960 г. руководит исследовательскими программами Высшей школы социальных наук, с 1966 г. – профессор Нантера. Именно в эти годы начинаются публикации многочисленных работ А. Турена, посвященных постиндустриальному обществу: «Социология действия» (1965), «Постиндустриальное общество» (1969), «Производство общности» (1973), «В защиту социологии» (1974), «Жажда истории» (1977), «Критика модернити» (1992), «Что такое демократия» (1994), «Способны ли мы жить вместе? Равные и различные» (1997).

Ален Турен
(р. 1925)

Остановимся на последней работе подробнее. С точки зрения характера соподчинения индивида и власти профессор Турен выделяет три стадии модернизации:

- I. Период, прошедший под знаком эпохи Просвещения и приведший к формированию первых буржуазных государств.
- II. «Срединная» стадия. Господство идеи рациональности, допускающее культурную самобытность в пределах национального государства.
- III. «Программируемое» общество. Отличается прежде всего возросшей ролью политической власти. Социум, «являющийся итогом решений, политики и программ, а не естественного равновесия».

В результате возникают проблемы общества потребления, усиливающие кризис формирования личности:

- Опыт каждого отдельного индивидуума не составляет целого; его части противоречат друг другу, «будто в каждом индивидууме сосуществует несколько личностей».
- Ослабление идеи постепенного подчинения нормам общественной жизни – как профессиональным, так и семейным.
- Личность, находящаяся в обществе потребления, не стремится к вращению в это общество.

«Распад социума и личности,- пишет А. Турен, – превратил наше общество в большей степени в супермаркет или в аэропорт, нежели в завод или в свод юридических норм. Если в прошлом Субъект находился в полном подчинении закону, Божескому или общественному, то в современном мире ему грозит стать жертвой общества потребления, которое, с одной стороны, манипулирует им, а с другой – постоянно подталкивает его к гонке за все новыми и новыми благами»⁴.

Рис. 17-3. Пути и факторы, ведущие к разрыву демодернизирующего мира

Угроза демодернизации показана на рис. 17-3. Тот, кто не идентифицирует себя ни с одной из частей распадающегося мира, переживает этот разрыв. Личное страдание является «главной силой сопротивления разрыву демодернизирующегося мира». Сущность Субъекта заключена в стремлении быть действующим лицом. А. Турен выделяет две основы Субъекта:

I. Борьба против логики рынка и сообщества, навязывающая постоянный и твердый принцип поведения.

II. Стремление к индивидуализации (субъективация), происходящее при достаточном контакте двух миров – конструктивная составляющая сущности Субъекта.

«Центральное место, которое мы предоставляем идее Субъекта, – пишет А. Турен, – должно воплотиться скорее не в подчеркивании уникальности современной ситуации, а в поиске различающихся, но вытекающих друг из друга социальных явлений, пронизывающих все общества, обладающие определенным уровнем историчности, способные к самопроизводству и трансформации».

Воплощение Субъекта происходит в двух противоположных образах: в индустриальном и постмодернистском обществах. Если для первого характерны призывы к справедливости и освобождению трудящихся, что находит свое воплощение в проектах идеального социалистического общества, то для постмодернистского общества на передний план выступают права человека, стремящегося ограничить общественную власть (см. табл. 17-1).

⁴ Touraine A. Pourrons-nous vivre ensemble ? Égaux et différent. 1997.

Таблица 17-1

Воплощение Субъекта в двух противоположных образах

	Постмодернистское общество		Индустриальное общество	
Воплощение Субъекта	Национальное государство, собственноручно сакрализованное	Права человека, ограничивающие общественную власть	Обожествление нового общественного порядка, создание проекта идеального социального общества	Рабочее движение – призывы к справедливости и освобождению трудящихся

«На каждом этапе, в любом типе общества Субъект отталкивается от мифа о сакральном порядке и в то же время исходит из принципа подрыва устройства, установленного властью.»

Самобытность Субъекта обуславливается сочетанием трех сил:

- Личное желание сохранить индивидуальную самостоятельность.
- Коллективная и частная борьба против властей, трансформирующих культуру в сообщество, а труд – в товар.
- Признание – как межличностное, так и институциональное – Другого в качестве Субъекта.

«Субъект не формирует себя в непосредственном контакте с самим собой, на базе своего личного опыта, в контексте персонального удовольствия и общественного успеха.

Он существует только в борьбе с силами рынка и сообщества; он не создает идеального города и индивидуума высшего типа, он осваивает и защищает лужайку, которую постоянно пытаются захватить.

Он скорее обороняется, чем участвует в борьбе, он скорее защищается, чем пророчествует.

Правда, он не олицетворяет собой лишь протест и борьбу; он также знает удачу, успех и счастье.

Но он – не архитектор идеального порядка; он — сила освобождения».

Подводя итоги, можно сказать, что для А. Турена самым главным является развитие субъекта – человеческой Личности с большой буквы. Проблема заключается в том, в какой мере удастся достичь гармоничного сочетания человека и общества. Люди предъявляют все более и более высокие требования к социальным стандартам своего бытия, и проблема заключается в том, что общество далеко не всегда соответствует этим высоким требованиям. Только там, где оно находит адекватный ответ на вызовы эпохи, оно движется вперед. Эти идеи получили своеобразную интерпретацию и в работах Фрэнсиса Фукуямы.

Фрэнсис Фукуяма (Yoshihiro Francis Fukuyama, р. 1952) после окончания в 1974 г. Корнельского университета, защитил в 1977 г. Ph. D. в Гарварде. В 1979–1980, 1983–1989 и 1995–1996 гг. работал в корпорации РЭНД. С 1996 г. он – профессор Университета Дж. Мэйсона. В 1992 г. выходит книга Фукуямы «Конец истории и последний человек», далее. «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» (1995), «Великий разрыв» (1998), «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции» (2002), «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке» (2004), «Америка на распутье: демократия, власть, и неоконсервативное наследие» (2006) и «Отставание: объясняя разрыв в развитии Латинской Америки и США» (2008).

Социальное состояние современных государств характеризуют, по мысли Ф. Фукуямы, рост преступности и социальной дезинтеграции, упадок родственных связей как социального института, падение рождаемости, сокращение браков, увеличение числа разводов и внебрачных детей, падение доверия к общественно-политическим институтам, изменение характера участия людей в жизни друг друга: мимолетность социальных связей, сокращение межличностных обязательств. Это и есть основные черты «великого разрыва».

Основа этих процессов «социальный капитал» – набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и делают возможным сотрудничество внутри этой группы. Каждое общество обладает «социальным капиталом», но все они различаются «радиусом доверия» – параме-

**Фрэнсис Фукуяма
(р. 1952)**

тром, указывающим на то, что определенные нормы сотрудничества распространяются на группы различного объема, а не на общество в целом.

Главная составляющая этих процессов – переход от индустриального к информационному обществу в экономической сфере, имеющий как положительные, так и отрицательные по своим социальным последствиям черты: «великий разрыв», который начал проявляться примерно с середины 60-х гг. XX в.

Количественный анализ изменений социального капитала измеряется параметрами:

- данные о преступности;
- данные о семейном положении граждан (показатели рождаемости, число браков, разводов, незаконнорожденных детей);
- данные опросов по доверию, ценностям и гражданскому обществу (речь идет об ассоциациях, занимающих место между семьей и государственными учреждениями).

Причинами великого разрыва, по мысли Ф. Фукуямы, являются рост бедности и/или неравенства в доходах, общее увеличение богатства в обществе, особенности современной системы государственного социального обеспечения, общие культурные сдвиги: упадок религии и господство индивидуалистических интересов, распространение морального релятивизма (как ложной доктрины).

Поскольку человек социален по своей природе, ему приходится совмещать ценности и правила, принятые в группе; со своими индивидуальными ценностями.

Общество связано со всем универсумом социальных норм. Иерархия неизбежна.

Ограничения на спонтанность возникают из-за размеров группы (спонтанный порядок возможен лишь для малых групп), различий в понимании справедливости, необходимости достижения организацией определенных целей, принятия быстрых решений и естественной склонности людей создавать иерархии (см. рис. 17-4).

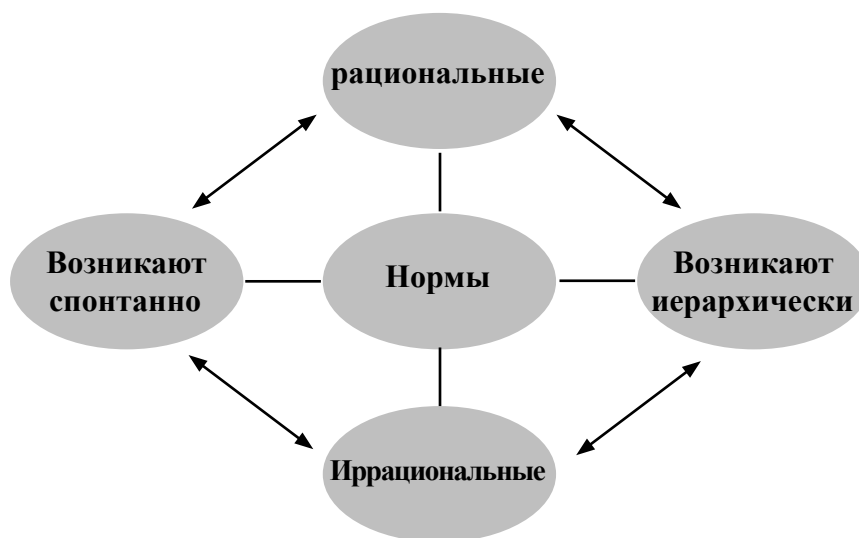

Рис. 17-4. Социальные нормы

В капиталистическом обществе высокая динамика может привести к распаду сообществ. Однако оно создает порядок и выстраивает новые нормы для замены тех, которые уничтожаются. В отличие от капиталистического, постиндустриальное (информационное) общество характеризуется устойчивым спросом на социальный капитал: он – «общественное достояние», за которое должно отвечать общество в целом (в лице государства). Главной задачей государственной политики является сохранение и стимулирование роста социального капитала. Поэтому необходимо осторожное отношение к государственным социальным программам, так как некоторые из них способны привести к снижению уровня ответственности и солидарности. Основой государственной политики, согласно Ф. Фукуяме, является способность государства обеспечивать общественную безопасность и стабильность прав собственности.

Фукуяма создает типологию стран по уровню доверия. К странам с высоким уровнем доверия он относит Японию, Германию, США, к странам с низким уровнем доверия – Китай, Мексику, Францию, Италию и Россию.

Конечно, можно соглашаться с Фукуямой или нет, но его исследование посвящено важному вопросу, который достаточно остро стоит сейчас перед российским обществом. Сегодня, когда страна проходит сложный этап политических, экономических, культурных преобразований, не утихают споры, что же именно лежит в основе хозяйственного успеха, какие составляющие наиболее важны для появления в России развитого, процветающего общества. В этом смысле книга Фрэнсиса Фукуямы «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» даёт пищу для размышлений российским политикам, экономистам и философам. Хотя автор и не рассматривает ситуацию с уровнем доверия в России, мы, на основе полученной информации, можем сделать вывод, что нам предстоит долгий путь, от которого не избавят ни разумные законы, ни рыночная база, ни активное развитие частного предпринимательства. В России должна сложиться новая система ценностей – только тогда возможно будет говорить о создании здесь современного общества и успешной экономике.

В начале XXI в. примерно 15–20% человечества начинают жить в постиндустриальном обществе, 60–70% остаются в обществе индустриальном, а еще 15–20% не могут даже пройти первичную индустриализацию. Характеристикой этой поляризации становится «глобальный цифровой разрыв» (см. табл. 17-2). Существовавшая раньше социальная противоположность владельцев средств производства и наемных рабочих сменяется (по М. Кастельсу, делением на интернет-имущих и интернет-неимущих. И Россия в этом новом мире даже после реформ 1990-х гг. не сокращает, а увеличивает отставание от развитых стран.

Таблица 17-2

Глобальный цифровой разрыв, 2000 г. (по М. Кастельсу)

РЕГИОНЫ МИРА	Доля общего числа пользователей Интернет, %
Северная Америка	42,6
Западная Европа	23,8
Азия	20,6
Восточная Европа	4,7
Африка	0,6

Таким образом, теории постиндустриального общества претендуют на роль новой общественной философии, которая указывает как развитым странам, так и человечеству в целом стратегические ориентиры развития. Правда, пока эти теории еще не достигли той степени, чтобы формулировать прямые рекомендации тактического уровня для социально-экономического регулирования. Формирование институтов регулирования происходило во второй половине XX в. либо с опорой на кейнсианские теории, либо даже в спонтанном режиме.

17.2. Европейские национальные модели создания постиндустриальной экономики: единство и различия⁵

В первые послевоенные десятилетия казалось, что «старушка Европа» навсегда передала лидерство в мировом развитии Соединенным Штатам. Однако впоследствии страны Европы продемонстрировали, что они продолжают оставаться «сильными игроками» в современном мировом хозяйстве.

Европейской модели присущи следующие основные черты: социальная направленность, высокий уровень ответственности, развитая система регулирования трудовых отношений и сформированная система социальной поддержки.

Социальная направленность включает в себя общественную собственность и регулирование инфраструктуры, общественную поддержку инновационной деятельности фирмы на уровне компаний, страхование жизни, высокие и структурированные схемы оплаты труда.

⁵ Данный параграф написан в основном по материалам статей: *Aiginger K.* The Ability to Adapt: Why It Differs between the Scandinavian and Continental Models // *Intereconomics. Review of European Economic Policy*. Vol. 41. No. 1. January/February 2006. P. 14–23; *Aiginger K., Guger A.* The European Socio-Economic Model, Differences to the USA and Changes Over Time // *Global Europe; Social Europe*; *Aiginger K., Guger A.* The European Social Model: from an alleged barrier to a competitive advantage // *Journal of Progressive Politics*. Vol. 4.3. Autumn 2005. P. 40–47; *Aiginger K., Guger A.* The European Socio-Economic Model, Differences to the USA and Changes Over Time // *WIFO Working Paper 266, 200*; *Aiginger K., Tichy G., Walterskirchen E.* WIFO White Paper: Towards Higher Employment via Economic Growth Based on Innovation and Qualification. October 2006.

Ответственность включает в себя целую систему мер, которые обеспечивают благосостояние в широком смысле слова (включая защиту от болезней, инвалидности, безработицы, старости, борьбу против бедности и больших различий в доходах). В ответственность также входит обеспечение и стимулирование образования, развитая система здравоохранения и страхования, содействие в жилищном строительстве.

Регулирование трудовых отношений основывается на диалоге, законе и системе коллективных переговоров. Предприниматели активно привлекают работников к управлению на уровне компаний. Экономическое законодательство также формируется посредством экспертизы и с учетом мнения населения.

Социальная поддержка осуществляется преимущественно посредством распределения трансфертов в денежной и натуральной форме, поддержки низкооплачиваемых категорий населения. Важно подчеркнуть, что система поддержки и услуг открыта для всех групп.

Основными типами европейских моделей являются (рис. 17-5):

- скандинавская,
- континентальная,
- англосаксонская,
- средиземноморская,
- догоняющая.

Все *европейские модели* в большей или меньшей степени содержат в себе перечисленные выше четыре основные черты, однако каждая из них имеет свои особенности.

Для *скандинавской (северной) модели* (Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания) характерны высокие налоги, высокий всеобъемлющий уровень перераспределения. Здесь развито сотрудничество между партнерами (включая профсоюзы) и правительством. Профсоюз занимается обучением и страхованием на случай безработицы. Налоги идут на выплату пособий по безработице и страхование на случай болезни. Минимальная заработная плата регулируется государством и повышается в соответствии с уровнем стоимости жизни. Это же касается и пенсий. Фактически, государственное регулирование охватывает все стороны жизни. Для этого общества характерна высокая социальная интеграция, универсальность. Государство обеспечивает высокий уровень занятости. Особый акцент делается на межвозрастном равенстве. Если раньше для этой модели были характерны очень высокие налоги, то в настоящее время наблюдается тенденция к их значительному снижению, особенно для бизнеса.

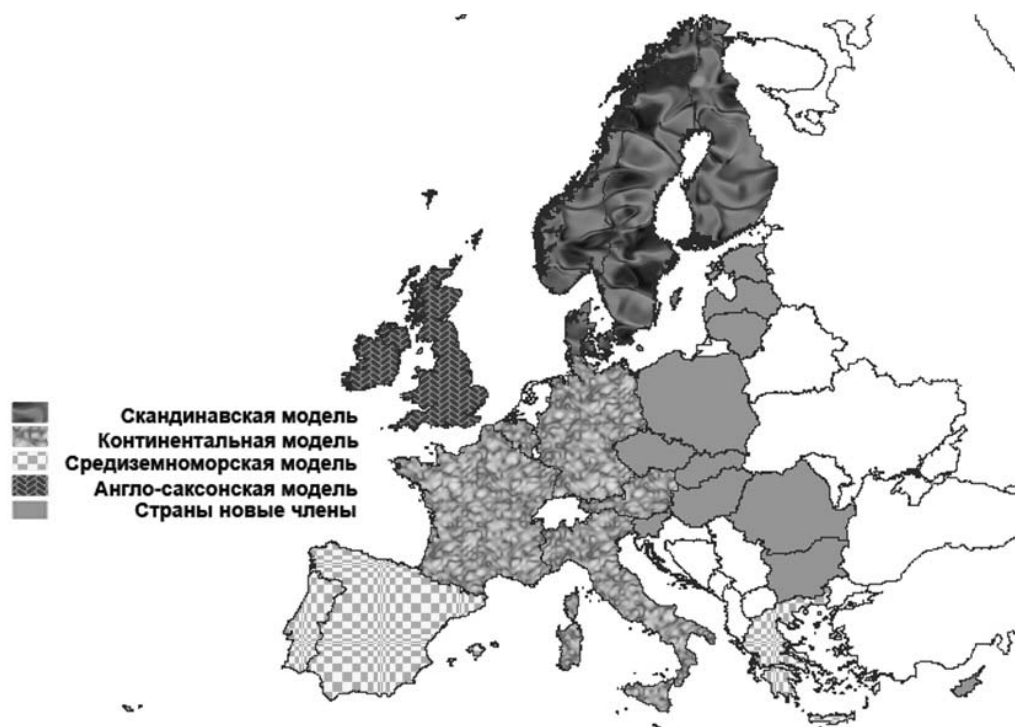

Рис. 17-5. Европейские модели социально-экономического развития
 Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model* // *The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.*

Для **континентальной (рейнской) модели** (Германия, Франция, Бельгия, Австрия, Италия) перераспределение не столь характерно. Трудовой вклад оценивается по заслугам. Модель характеризуется промышленными связями и централизованными переговорами и трансфертами преимущественно в денежной форме. Низкие перераспределительные усилия компенсируются высоким уровнем трансфертов в денежной форме. Зато для этих стран характерно меньше трансфертов в натуральной форме.

Англосаксонская (либеральная) модель (включает не только страны Европы – Великобританию и Ирландию, но и бывшие английские колонии – США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию) характеризуется самым низким уровнем регулирования. Механизмы перераспределения используются главным образом для обеспечения основных потребностей социально незащищенных категорий населения. Зато в данной модели более развита поддержка конкуренции и существует усовершенствованная система регулирования инфраструктуры. Основной стратегией социально-экономического развития является повышение благосостояния, на это направлена общественная система здравоохранения и отчасти общественная система образования (особенно в Великобритании, но не в США).

Что же касается **средиземноморской модели** (Греция, Испания, Португалия), то в ней большую роль играют семейные связи и отношенческий капитал, сохраняются элементы патернализма. Они компенсируют сохраняющееся в этих странах значительное межвозрастное неравенство. Система трансфертов не развита в той же степени, как в вышеперечисленных моделях. В условиях аграрного патерналистского сообщества сохраняется низкий уровень вовлечения населения в процессы распределения.

Таблица 17-3

Экономический рост в различных моделях смешанной экономики, 1960–1990 гг.

Экономические модели	Ежегодные темпы экономического роста
Англосаксонская модель (Европа)	2.6%
Скандинавская модель	3.4%
Континентальная модель	3.5%
Средиземноморская модель	4.6%
Западная Европа в целом (15 стран)	3.4%
Англосаксонская модель (за пределами Европы)	3.6%
США	3.5%

Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model // The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.*

Для **догоняющей модели** (Чехия, Венгрия, Польша, Словения, Словакия, Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Румыния) характерны низкие налоги и ориентация на прямые иностранные инвестиции. Фактически страны, относящиеся к данной модели, находятся в поисках своей идентичности в условиях Европейского союза, долгосрочные цели остаются еще за горизонтом планирования. Относительно новые институты еще не обеспечивают того высокого уровня жизни, который характерен для традиционных европейских моделей. Частые смены режимов приводят к тому, что неэффективное централизованное планирование сменяется дерегулированием, и наоборот.

Средний темп роста экономики за 1960–1990 гг. 15-ти стран Западной Европы составил 3,4% в год (см. табл. 17-3). В начале XXI в. произошло некоторое повышение темпов роста по сравнению с первой половиной 1990-х гг. (при незначительном ухудшении соответствующих показателей стран англосаксонской модели).

Несмотря на существенные различия в послевоенные годы европейские модели развивались примерно одинаковыми темпами (см. табл. 17-4). Наиболее высокие темпы роста были характерны для стран средиземноморской модели (4,6 % в период с 1960 по 1990 гг.). Если рассматривать темпы роста по группам стран с определённой экономической моделью, то выделяются страны средиземноморской модели, которые демонстрировали с 1960 по 1990 гг. темпы роста 4,5–4,8%. Англосаксонская модель в Европе демонстрировала относительно невысокие темпы роста (в частности, показатель темпов роста для Великобритании составляет 2,4%).

Таблица 17-4

Экономический рост в различных моделях смешанной экономики, 1990–2000-е гг.

Экономические модели	1990/1995	1995/2005	2005/2008
Англосаксонская модель (Европа)	2.7%	3.1%	3.0%
Скандинавская модель	2.5% ¹	2.8%	2.8%
Континентальная модель	1.7% ²	1.6%	1.7%
Средиземноморская модель	2.9%	3.5%	3.5%
Западная Европа (15 стран)	2.0%	2.2%	2.3%
Англосаксонская модель (за пределами Европы)	3.0%	3.3%	3.1%
США	3.0%	3.3%	3.1%

1. Все между 2,0% и 2,2%, несмотря на кризис 1991/92; Норвегия 3,2%

2. Германия 1,7%, Франция 1,9%, Италия 1,3%; малые страны 2%.

Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model*.

Некоторые макроэкономические показатели представлены в табл. 17-5. Традиционно уровень безработицы ниже в странах скандинавской модели и выше в странах континентальной и средиземноморской модели. Уровень занятости самый высокий в странах скандинавской модели и самый низкий в странах средиземноморской модели.

Таблица 17-5

Макроэкономические различия стран Западной Европы (2008 г.)

Экономическая модель	Безработица	Уровень занятости	Дефицит бюджета
Скандинавская модель	4.0%	77.2%	+2.5%
Континентальная модель	7.1%	67.7%	-1.6%
Англосаксонская модель (Европа)	5.4%	71.8%	-3.3%
Англосаксонская модель (в других странах)	5.4%	72.4%	-5.1%
Средиземноморская модель	9.0%	67.1%	-0.2%
США	5.4%	72.2%	-5.1%
Западная Европа (15 стран)	6.8%	68.9%	-1.2%

Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model*.

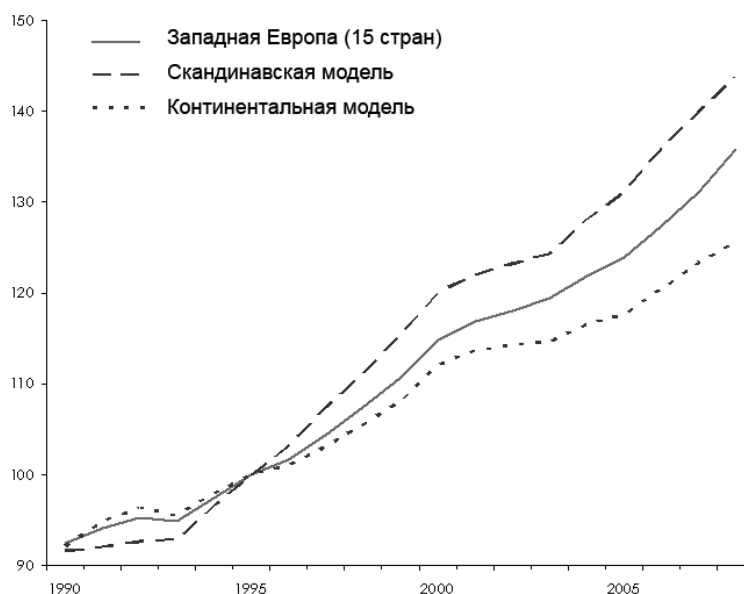

Рис. 17-6. Экономический рост скандинавской и континентальной моделей с 1990 по 2008 гг.
Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model* // *The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.*

Примечание: 1995 г. принят за 100%.

Различия экономик стран, придерживающихся скандинавской и континентальной моделей, увеличиваются. При этом в странах с англосаксонской моделью социально-экономического развития наблюдается значительный дефицит бюджета, что заставляет решать текущие экономические проблемы за счёт доходов будущих поколений.

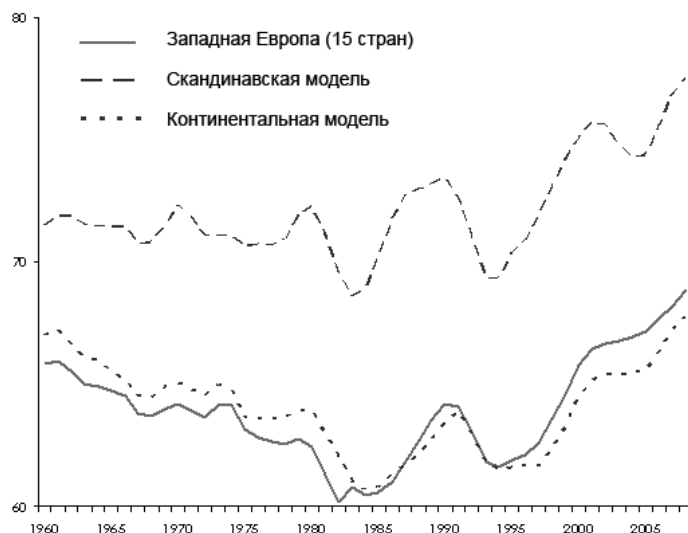

Рис. 17-7. Уровень занятости в скандинавской и континентальной моделях с 1960 по 2008 гг.
 Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model // The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.*

Если рассмотреть тенденции роста в период, предшествующий экономическому кризису 2008–2010 гг., то мы увидим, что скандинавская модель наглядно свидетельствует о высоком потенциале развития, особенно по сравнению с континентальной Европой (рис. 17-6). Отчасти это может быть объяснено за счет более высокого уровня занятости, который типичен для этих стран (рис. 17-7), отчасти за счет более низкого уровня безработицы (рис. 17-8).

В краткосрочной перспективе наибольшую эффективность показывают страны скандинавской и англосаксонской моделей. США и Великобритания демонстрируют высокие темпы экономического роста, но при этом вынуждены иметь дело со значительным дефицитом бюджета. Великобритания бурно растет после периода низких темпов роста. Высокие темпы роста демонстрирует и скандинавская модель, что стало самой большой неожиданностью для ее критиков.

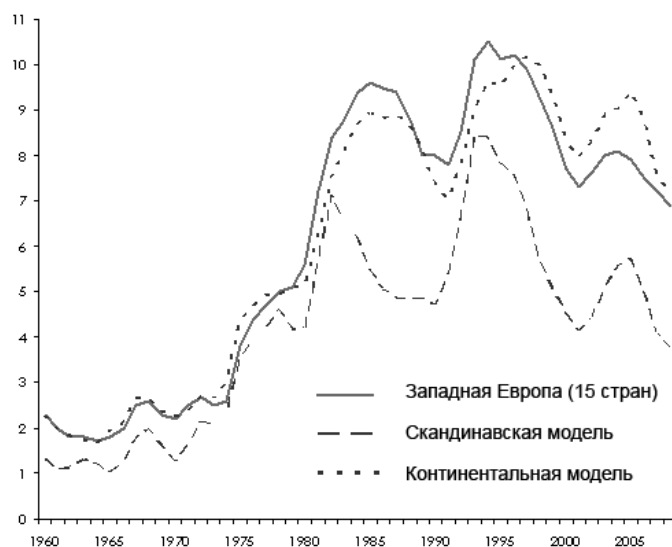

Рис. 17-8. Уровень безработицы в скандинавской и континентальной моделях с 1960 по 2008 гг.
 Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model // The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.*

Высокие темпы экономического роста, которые демонстрируют европейские страны, требуют объяснения. Обычно выделяют пять составляющих успешных стратегий развития стран Европы:

1. сформированная и поддерживаемая гибкость («Flexicurity»);
2. оплата труда и соответствующая работа или обучение как обязательство;
3. качество государственного управления;
4. экономический рост и лучшие технологии – предпосылки благосостояния;
5. последовательное стратегическое планирование.

Остановимся на этих факторах подробнее.

1. «Flexicurity», или сформированная и поддерживаемая гибкость, включает в себя:

- гибкость форм (практика легкого увольнения, дерегулирование неполной занятости (см. рис. 17-9);
- высокий коэффициент замещения, минимальный размер оплаты труда и пенсии, долгосрочная социальная поддержка (со стороны государства);
- отсутствие дискриминации по гендерному признаку, равные возможности полов;
- неполная занятость как право индивида и следствие его индивидуального выбора.

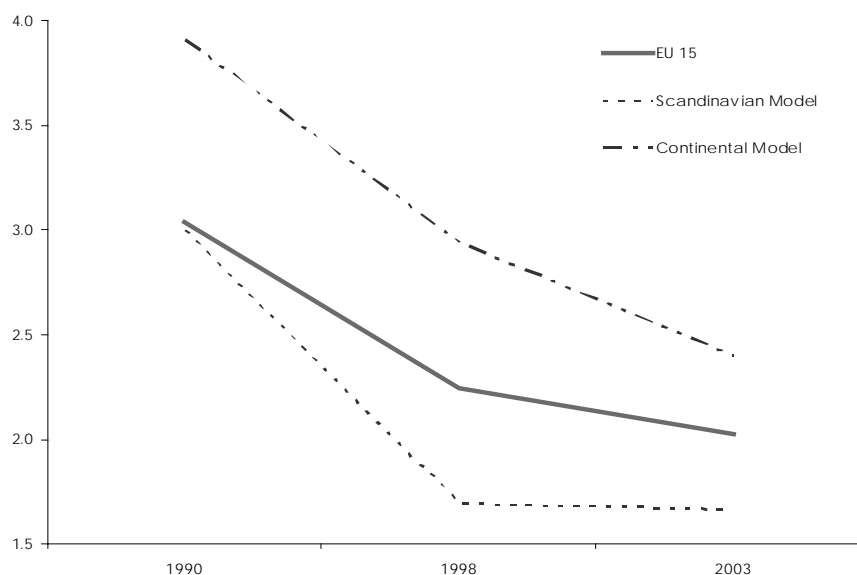

Рис. 17-9. Регулирование рынка труда: временный трудовой контракт
 Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model* // *The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.*

Гибкость оказалась важнейшим преимуществом европейской модели, повышающим экономический рост и занятость. Однако очевидно, что подобная гибкость может возникнуть лишь на очень высоком уровне развития. К тому же несомненно, что она должна быть сбалансирована.

2. Оплата труда и соответствующая работа или обучение как обязательство.

Сформированная и поддерживаемая гибкость возникла потому, что она опирается на эффективную систему стимулирования труда. Стимулирование труда обеспечивается в краткосрочном периоде посредством налоговых кредитов, субсидий, неполного рабочего дня, а в долгосрочном периоде – предоставлением возможности повышения квалификации. Важным поддерживающим систему фактором является гибкая политика, проводимая для различных групп населения. Она достигается путем снижения налогов (результатом которого является уменьшение эффекта налогового «клина»); повышения мобильности – как региональной, так и профессиональной; повышения стимулов как для трудящихся, так и для представителей бизнеса (низкие налоги для бизнеса).

Таким образом, активная политики, направленная на регулирование рынка труда с обязательствами и гарантиями, оказалась значимым фактором повышения темпов экономического роста.

3. Качество государственного управления.

В последние годы в европейских странах резко повысились требования к качеству государственного управления. Даже сторонники усиления вмешательства государства в экономику понимают, что качество управления более важно, чем доля государства в ВВП. Поэтому они проявляют фискальную осто-

рожность в принятии стратегических решений. При этом главным критерием выступают не размеры налогов, а восстановление и расширение возможности налогового манипулирования. Государственный менеджмент постепенно становится профессиональной деятельностью, которая давно отказалась от прямых и грубых воздействий на экономику страны. Она видит свои функции в формулировке целей, контроле за их исполнением, понимая, что пути к этим целям будут эффективнее, если созданы условия для конкуренции между различными структурами, стремящимися к достижению намеченного. Это приводит к тому, что новые цели заменяют старые. Повышается роль образования, которое трансформируется в непрерывную систему. Управление развитием преследует не отдельные частные цели, а комплексное развитие отраслей и регионов. Возникает кластерное мышление, что позволяет формулировать амбициозные, но вполне реалистичные планы. Подчеркнем, для изменений на микроэкономическом уровне все больше и больше требуется макроэкономическая стабильность. Все это приводит к тому, что масштабы прямого и непосредственного вмешательства в экономику уменьшаются.

4. Экономический рост и лучшие технологии – предпосылки благосостояния.

На рубеже веков на передний план выходит политика повышения темпов экономического роста. Борьба за технологическое превосходство становится все более острой и злободневной. Основой формирования конкурентных стратегических преимуществ становятся инвестиции в НИОКР и образование, в информационные и коммуникационные технологии, а также в биотехнологии.

Таким образом, разворачивается проактивная инновационная политика. И здесь преимущество стран скандинавской модели тоже достаточно. Если для Парижского консенсуса была характерна ставка на либерализацию и дерегулирование («ждать, ничего не предпринимать»), то сейчас, с открытием границ, более актуальной сделалась наступательная политика – интервенции на открытых рынках. Инвестиции в будущее стали необходимым условием роста.

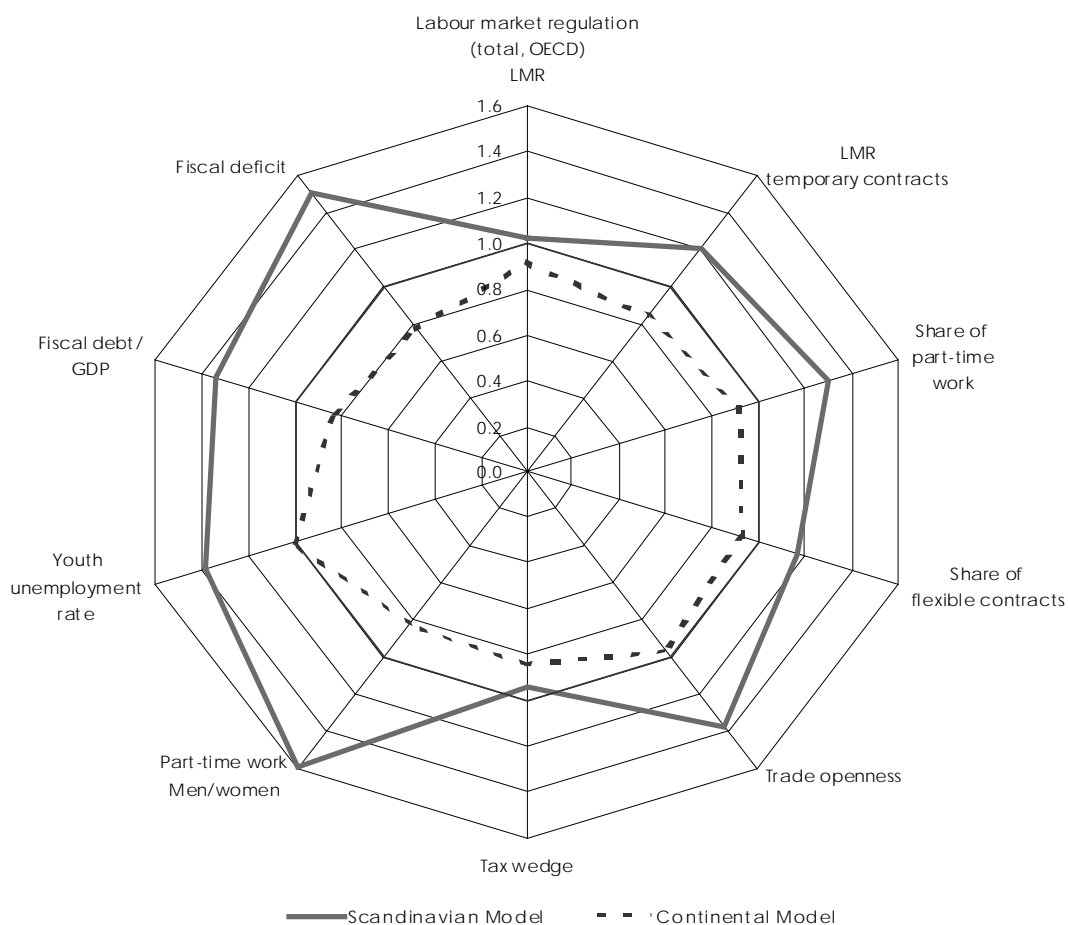

Рис. 17-10. Характеристики адаптивности: Скандинавия vs континентальная Европа
 Источник: Karl Aiginger, *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model*, The 10th bi-annual EACES Conference, Moscow, 2008

5. Последовательное стратегическое планирование.

Активная инвестиционная политика невозможна без стратегического планирования. А это предполагает, как минимум, согласование интересов четырех независимых субъектов, формирующих эту политику: работодателей, работников, правительства и экспертов. Это не значит, что стратегические планы не составлялись раньше. Разница в другом: в том, что стратегии не только обсуждаются, но и выполняются. Следует подчеркнуть, они не так зависят от политического фактора, как раньше. Конечно, базовые черты стратегий имеют различные противоречия, однако стратегия не меняется при смене правительства. Необходимо отметить еще одно существенное обстоятельство – страны Единой Европы пытаются все чаще и чаще подключить к решению национальных задач иностранные организации. Важнейшей составляющей успешных стратегий является понимание, что реформы призваны нести позитивный настрой и что потери и выгоды должны быть справедливо распределены в обществе.

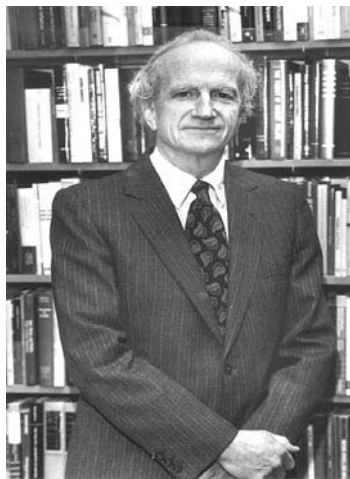
В заключение остановимся на различиях в европейских моделях (см. рис. 17-10). Скандинавские страны продемонстрировали лучшую подготовленность к переменам, чем континентальная Европа. Страны континентальной Европы оказались менее открыты, менее консолидированы во мнениях и в решении возникших проблем. Традиционный недостаток скандинавских стран, связанный с повышенной ролью государства в принятии решений, явился определенным достоинством в контексте глобализации экономики и постоянной необходимости инвестирования в будущее. В условиях постоянных изменений континентальная модель оказалась менее приспособленной и менее эффективной.

17.3. Возрастание роли человеческого капитала как результата и предпосылки экономического развития

В современной экономике возникают новые критерии для понимания как результатов, так и ресурсов социально-экономического развития. Речь идет о концепции человеческого капитала.

Теория человеческого капитала

Современная теория человеческого капитала была сформулирована в трудах американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике (1992) **Гэри Беккера (р. 1930)**, автора знаменитого исследования «Человеческий капитал» (1-е изд. 1964; 2-е изд. 1975). Г. Беккер выделял в человеческом капитале индивидуума знания, производственные навыки и мотивацию. Увеличение вложений в подготовку будущих специалистов и обучение квалифицированных работников, считает он, могут приносить в будущем не меньше прибыли, чем расходы на машинную технику.

Гэри Беккер
(р. 1930)

В понятии человеческого капитала надо выделить два аспекта:

1. Человеческий капитал как запас.

Человеческий капитал в широком смысле слова – это специфическая форма капитала, воплощенного в самом человеке; это имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и приносят ему доход в форме заработной платы или ренты. В структуре понятия обычно выделяют:

- Природные способности.
- Общую культуру.
- Знания общие и специальные.
- Приобретенные способности, навыки, опыт.
- Умение применить их в нужный момент и в нужном месте.

2. Человеческий капитал как поток доходов.

Вложения в человеческий капитал становятся важным активом, обеспечивающим более высокий поток доходов на протяжении всей жизни индивидуума.

В то же время нельзя не отметить, что это своеобразная форма капитала. Дело в том, что в условиях рыночной экономики многие явления и процессы приобретают товарную и денежную формы и могут рассматриваться как актив, приносящий регулярный доход. Не стал исключением и сам человек, многие характеристики которого (знания, способности, навыки и опыт), не будучи товаром, деньгами или капиталом как таковыми, приобретают эти исторически преходящие формы,

начинают (и не без успеха) примерять к себе эти одежды, эти новые для них социальные формы. В последнее время даже генетическую природу, физические и психические качества человека, его силу, красоту и ловкость стали выделять в особую форму физического капитала⁶. Если учесть также выделяемый П. Бурдьё в отдельную форму и культурный капитал⁷, то с учетом этого выделения *человеческий капитал в узком смысле слова* включает только общие и специальные знания; приобретенные способности, навыки и опыт, а также умение их применить в нужный момент и в нужном месте.

В развитых странах существует устойчивая зависимость между уровнем образования и доходом, получаемым в течение всей жизни (см. рис. 17-11). Каждая ступень в системе американского образования дает существенную прибавку в доходах. В результате годовой доход магистра более чем в 2 раза превышает доход выпускника американской школы, а последний, в свою очередь, вдвое превышает доход тех, кто обучался в ней менее 9 лет.

Если лица с начальным образованием получали в 1990 г. в США в течение всей своей жизни доход 756 тыс. долл., то лица с высшим образованием – 1720 тыс. долл. Абсолютный разрыв составил почти 1 млн долл.⁸. Следует заметить, что за последние 30 лет относительный разрыв в доходах между крайними группами фактически не изменился. Это говорит о существовании тенденции, которую стараются учитывать все рационально ведущие свое хозяйство семьи.

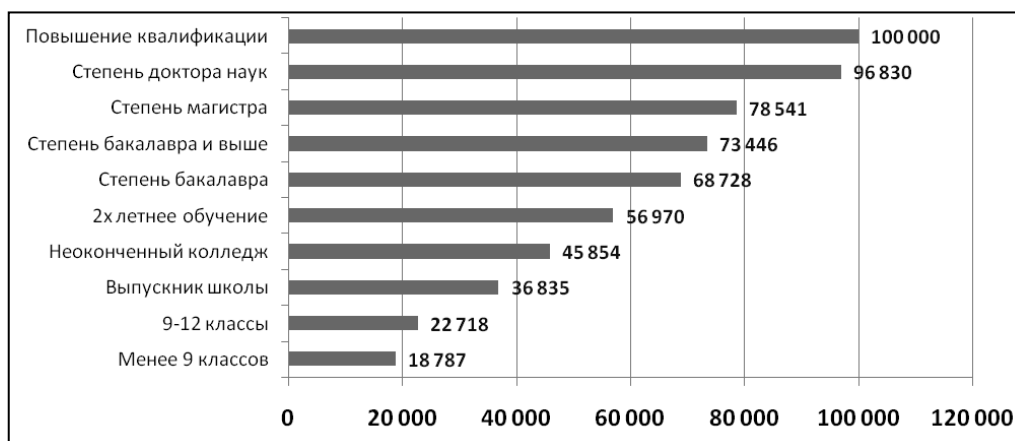

Рис. 17-11. Годовой доход в зависимости от уровня образования (США, 2003 г.)

Источник: U.S. Census Bureau. Population Survey. Income Statistics Branch/HSES Division.

Человеческий капитал это одновременно и достижение общества, и потенциал новых достижений. Поэтому неудивительно, что в настоящее время проблема инвестиций в производственные фонды уступает проблеме инвестиций в человеческий капитал. При сравнении различных стран все чаще начинают сопоставлять показатели не среднедушевого ВВП, а человеческого развития. Эти показатели позволяют выяснить, в какой степени различные меры регулирования действительно способствуют развитию постиндустриального общества.

Индекс развития человеческого потенциала как измерение человеческого капитала

Под влиянием институциональных теорий человеческого капитала был разработан *Индекс развития человеческого потенциала* ООН (Human Development Index – HDI). Он основан на трех показателях (см. рис. 17-12):

- ожидаемая продолжительность жизни, измеряемая средней продолжительностью жизни для населения в возрасте от 20 лет;
- интегральный показатель уровня образования, включающий:
 - долю неграмотного населения (берется в рамках интегрального показателя уровня образования с удельным весом в 2/3);

⁶ См.: Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2.

⁷ Bourdieu P. Forms of Capital // *The Sociology of Economic Life*. Boulder, 2001.

⁸ Марцинкевич В.И., Соболева И.В. Экономика человека. М.: Аспект пресс. 1995. С. 191.

- объединенный показатель доступности начального, среднего и высшего образования – доля учащихся в соответствующей возрастной группе (этот индекс берется с удельным весом в 1/3);
- уровень жизни, измеряемый реальным ВВП на душу населения (от 100 до 40 000 долл. по ППС).

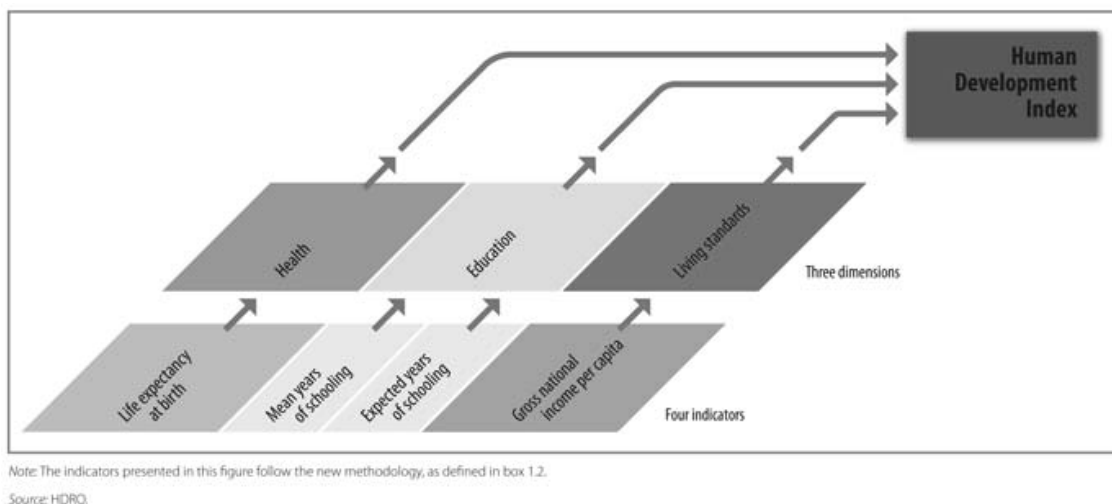

Рис. 17-12. Составляющие Индекса развития человеческого потенциала

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) является средним геометрическим индексов: ожидаемой продолжительности жизни, индекса уровня образования и скорректированного индекса реального ВВП на душу населения:

$$I_{\text{Жизнь}}^{1/3} * I_{\text{Образование}}^{1/3} * I_{\text{Доход}}^{1/3}$$

С 1990 г. ООН ежегодно публикует расчеты по этому Индексу. С 2010 г. расчет индекса был немного изменен. Если раньше при расчете максимального значения брались абстрактные величины, то теперь стали использоваться реальные максимальные показатели, достигнутые наиболее развитыми по данному показателю странами (см. табл. 17-6).

Таблица 17-6

Максимальные и минимальные значения компонентов Индекса развития человеческого потенциала

Измерение	Наблюдаемое максимальное значение	Минимальное значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	83,2 (Япония, 2010 г.)	20,0
Средняя продолжительность обучения	13,2 (США, 2000 г.)	0
Ожидаемая продолжительность обучения	20,6 (Австралия, 2002 г.)	0
Сводный индекс образования	0,951 (Новая Зеландия, 2010 г.)	0
Доход на душу населения (По ППС в долл. США)	108 211 (ОАЭ, 1980 г.)	163 (Зимбабве, 2008 г.)

Источник: Доклад о развитии человека 2010, М.: Весь мир, 2010, С. 216

В табл. 17-6 представлены страны-лидеры по развитию человеческого капитала. Индекс развития человеческого потенциала этих стран приближается к 1. К сожалению, России в этом списке нет.

Для понимания механизма расчета показателя произведем реальные расчеты всех компонентов ИРЧП для Китая 2010 г. (см. табл. 17-7).

Таблица 17-7

Компоненты ИРЧП Китая в 2010 г.

Индикатор	Значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	73,5
Средняя продолжительность обучения	7,5
Ожидаемая продолжительность обучения	11,4
ВНД на душу населения (По ППС в долл. США)	7 263

Источник: Доклад о развитии человека 2010, М.: Весь Мир, 2010, С. 216

Правда, в последние годы ситуация меняется. Если с 1990 по 2000 гг. в России наблюдалось заметное снижение ИРЧП, то в последние 10 лет наметился позитивный рост. Однако не следует обольщаться: мы лишь вернулись к уровню конца 1980-х гг., когда существовал заметный разрыв между СССР и развивающимися странами. За эти годы он заметно сократился, и мы сейчас вышли на уровень, который был достигнут Латинской Америкой и странами Карибского бассейна (см. рис. 17-13).

$$\text{Индекс ожидаемой продолжительности жизни} = \frac{73,5 - 20}{83,2 - 20} = 0,847$$

$$\text{Индекс средней продолжительности обучения} = \frac{7,5 - 0}{13,2 - 0} = 0,568$$

$$\text{Индекс ожидаемой продолжительности обучения} = \frac{11,4 - 0}{20,6 - 0} = 0,553$$

$$\text{Индекс образования} = \frac{\sqrt{0,568 \cdot 0,533} - 0}{0,951 - 0} = 0,589$$

$$\text{Индекс дохода} = \frac{\ln(7263) - \ln(163)}{\ln(108211) - \ln(163)} = 0,584$$

$$\text{Индекс развития человеческого потенциала} = \sqrt[3]{0,847 \cdot 0,589 \cdot 0,584} = 0,663$$

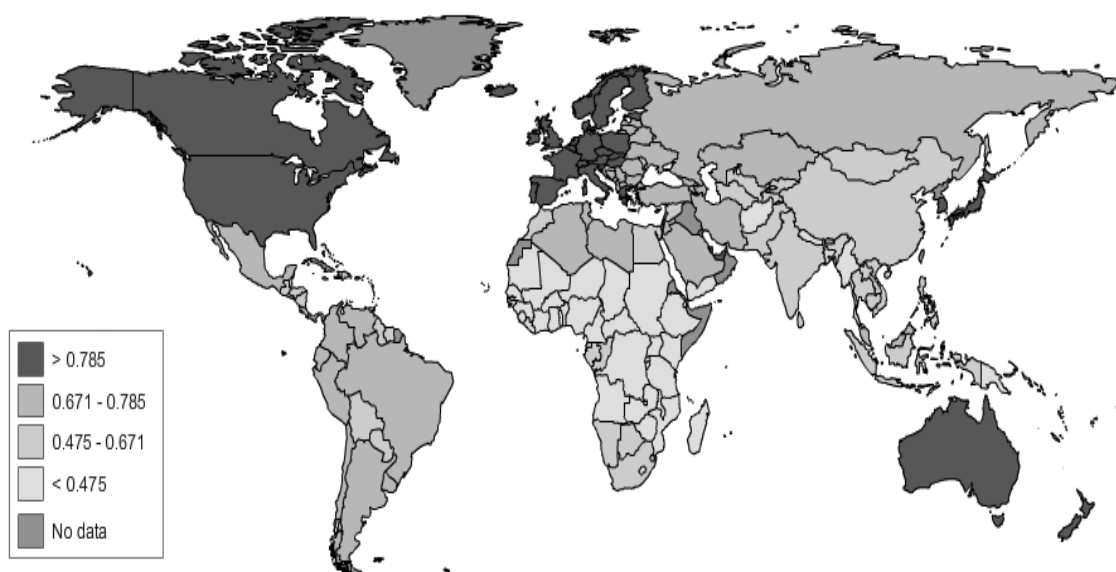

Рис. 17-13. Положение России в 2010 г. с точки зрения Индекса развития человеческого потенциала

Учебно-методические материалы

Занятие 17. Постиндустриальное общество

Концепции постиндустриального общества (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, П. Друкер, М. Кастельс, Э. Тоффлер, А. Турен, Ф. Фукуяма). Научно-техническая революция. Возрастание роли сферы услуг. Информация и телекоммуникации. Знание как лимитирующий фактор. Будущее труда. Человеческий капитал и его развитие. Индекс развития человеческого потенциала. Всеобщие производительные силы. Социальный капитал.

Транснациональная экономика. Возникновение глобальных проблем. Прогресс экономический и прогресс социальный.

Европейские национальные модели создания постиндустриальной экономики: единство и различия. Скандинавская (северная) модель. Континентальная (рейнская) модель. Англосаксонская (либеральная) модель. Средиземноморская модель. Европейская модель догоняющего развития.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2: 1870–наши дни. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. Гл. 12, 13, 15.
2. **Ван дер Вее Г.** История мировой экономики. 1945–1990. М., 1994.

Дополнительная

3. **Беккер Г.** Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. **Гэлбрейт Дж.К.** Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969
5. **Кларк Г.** Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
6. **Ляско А.К.** Проблема доверия в социально-экономической теории. Гл. 1–2. М.: Институт экономики РАН, 2004
7. **Мэддисон Э.** Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории/ Пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. О. Филаточевой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
8. **Нуреев Р.М.** Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Инфра-М, 2013. Гл. 3, 5.
9. **Kenwood A.L.** The growth of the International Economy, 1820–2000. 4th ed. London: Routledge, 1999.
10. Western Europe: Economic and Social Change Since 1945. Ed. by Schulze M.-S. L., Longman, 1997.

Web-ресурсы

11. **Гэлбрейт Дж.К.** Экономические теории и цели общества: http://magistr-yuga.narod.ru/index_lit_arhiv_ekonom_ek_3.htm.
12. **Клейн Л.** Глобализация: вызов национальным экономикам // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 6. С. 44 – 49: http://www.ptpu.ru/issues/6_98/7_6_98.htm.
13. **Тоффлер Э.** Третья волна: http://socioline.ru/_seminar/library/misc/toffler.php.
14. **Baines D.E.** Economic history in 20th Century. L.: University of London, 2012 (<http://www.londoninternational.ac.uk/community-support-resources/current-students/emfss-rogramme-resources/subject-guides>).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем единство и в чем различия между теориями постиндустриального общества?
2. О будущем общества мечтали многие мыслители прошлого. Какие догадки подтвердились в ходе научно-технической революции, а какие не выдержали испытания временем? Как вы думаете, почему?
3. Между многими характеристиками рождающегося «чудного нового мира» и образом коммунизма по К. Марксу, как общества «по ту сторону материального производства», есть черты сходства. Назовите их.
4. По каким критериям можно проследить различия региональных моделей смешанной экономики в Европе?

- в) многочисленные профсоюзы;
- г) господство норм общего права (common law).

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕННОЙ СЛОЖНОСТИ И ЗАДАЧИ

10. Современный российский экономист В.Л. Иноземцев защищает концепцию, согласно которой современный мир переходит к «постэкономическому» обществу: чисто экономические факторы перестают быть ведущими в развитии современного общества¹⁰. Определите, какие изменения в хозяйственной жизни позволили ему прийти к такому выводу, и происходят ли эти изменения в современной российской экономике.

11. В таблице приведен рейтинг судебных систем по способности обеспечивать защиту и осуществлять принудительное исполнение (1 – наилучший показатель, 4 – наихудший).

Страны	Защита прав кредиторов	Защита прав акционеров	Принудительное исполнение
Великобритания	1	1	3
Германия	2	3	2
Скандинавские страны	3	2	1
Франция	4	4	4

Источник: Знания на службе развития. Отчет о мировом развитии. 1998/99. М., 1999. С. 120.

а) Определите, какая из этих систем может считаться наилучшей по совокупности признаков? Почему не осуществляется унификация судебных систем? Можно ли говорить о конкуренции правовых норм?

б) Как эти особенности судебных систем влияют на развитие акционерных обществ в различных национальных моделях экономики?

¹⁰ См., например: *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. М.: Таурис, Век, 1995.